

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЗВАНИЯ КРУПНОГО И МЕЛКОГО РОГАТОГО СКОТА В ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

Turkic-Mongolian Names of Neat and Small Cattle in the Khalkha Mongolian Language

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Chair, Director of the Scientific Centre for Mongolian and Altai Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

В статье на материале современного халха-монгольского языка рассматриваются названия крупного и мелкого рогатого скота в сравнении с соответствующими названиями домашних животных, зафиксированными в древнетюркском языке. Автор приходит к выводу о том, что эти названия были заимствованы древними монголами у древних тюрков булгарской группы, в ту эпоху, когда древние монголы представляли собой некое единство, еще не распавшееся на ареалы.

Ключевые слова: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, старомонгольский язык, архетип, праформа, древнетюркский язык, общетюркское слово, булгарская группа тюркских языков, заимствованное слово.

The article investigates the terms for cattle and small ruminants on the material of the modern Khalkha-Mongolian language and compares them with the corresponding names of animals in the ancient Turkic language. Khalkha Mongolian animal names are compared with the Buryat, Kalmyk and Old Mongolian names. It allows pointing out their archetypes for their Turkic correspondences based on the information in these Turkic terms taken from etymological dictionary of the Turkic language. The article also reveals general Turkic character of corresponding lexeme and its Turkic protoform from comparative historical grammar of Turkic languages (the volume dedicated to the lexicon) which allows to conclude that relevant terms for cattle and small ruminants in the Mongolian language are of Turkic origin as a result of borrowing from the ancient Turkic people of Bulgarian group by ancient Mongolian people in an era when the ancient Mongols presented a unified society far from disintegration.

Keywords: neat cattle, small ruminants, the Khalkha Mongolian language, the Buryat language, the Kalmyk language, the Old Mongolian language, archetype, protoform, ancient Turkic language, general Turkic word, Bulgar group of Turkic languages, borrowed word.

Как известно, вот уже почти триста лет тому назад учеными, занимавшимися сравнительным языкознанием, было замечено, что между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, названными впоследствии алтайскими, существует большое сходство как в области лексики, так и в грамматике. Особенно большие сходжения отмечались между тюркскими и монгольскими языками. Так, классик алтаистики В. Л. Котвич утверждал, что между тюркскими и монгольскими языками выявляется около 50 % общих элементов в грам-

матике и около 25 % сходжений в области лексики [Котвич 1962: 351]. В. Л. Котвич, к сожалению, не представил конкретного списка сходжений, подтверждающих эти выкладки. Поскольку в последнее время опубликованы достаточно полные лексикографические пособия по современному монгольскому языку, а также по древнему и современному тюркскому языку, то появилась возможность осуществить полномасштабное сравнительное исследование по установлению конкретных лексико-семантических групп, в которых наблюдаются

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)

ся схождения между тюркскими и монгольскими языками.

В данной статье, лимитированной объемом, остановимся лишь на одной тематической группе лексики в одном из конкретных современных монгольских языков — халха-монгольском, так как именно данный язык представлен вышедшим в свет наиболее полным четырехтомным словарем [Большой академический 2001, 2002], который дает возможность провести достаточно подробные сравнительные исследования лексики. Тюркский материал для сравнения взят из «Древнетюркского словаря» [1969], поскольку данный материал в нем представлен в более чистом виде, нежели в современных тюркских языках, в свое время подвергшихся значительному монгольскому влиянию. Такой тематической группой лексики может стать группа названий крупного и мелкого рогатого скота, который представляет собой для кочевников-степняков основу их хозяйственной деятельности. Здесь выявилась следующая тюрко-монгольская лексика.

Прежде всего следует отметить, что весь скот в совокупности носит в халха-монгольском языке общее название *мал* (ср. бур. *мал*, калм. *мал* id.), представленное и в старописьменном монгольском языке как *mal*. Эта лексема может быть сравнена с древнетюркским словом *mal* «имущество, достояние, богатство; товар», относительно которого утверждается его арабское происхождение. Справедливость этого сравнения подтверждается тем, что скот для кочевников является и достоянием, и богатством, и товаром.

Приплод, молодняк скота в халха-монгольском языке носит название *төл* (ср. бур. *түл*, калм. *төл* id.), которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано как *töl*. Это монгольское слово следует сравнить с др.-тюрк. *töl* «момент родов; детёныш», которое, как мы полагаем, этимологически связано с древнетюркским глаголом *törü* = «происходить, возникать, рождаться, появляться; рожать». Кстати, этому древнетюркскому глаголу соответствуют х.-монг. *төр* =, бур. *түрэ* =, калм. *төр* =, стп.-монг. *törü* = «рожать; рождаться; появляться, возникать».

Общим названием крупного рогатого скота в халха-монгольском языке является *үхэр* (ср. бур. *үхэр* «крупный рогатый скот, корова», калм. *үкр* «корова»), которое в ста-

ромонгольском письменном языке зафиксировано в виде *üker* id. Это название следует сравнить с тюрк. *öküz, ögüz* «бык, вол». Монгольская словоформа представляет собой ротацирующий вариант этой тюркской лексемы, характерный для тюркских языков болгарской группы, как это мы видим и в современном чувашском языке, в котором представлено слово *вӑкӑр* «бык, вол». Э. В. Севортян указывает на общетюркский характер термина *өкүз (öküz)* и выявляет его сближения с монгольским *үхэр (üker)* [Севортян 1974: 521–523].

Бык-производитель крупного рогатого скота в халха-монгольском языке носит название *бух* (ср. бур. *буха*, калм. *бух* id.), которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано в виде *buqa*. С этим монгольском словом следует сравнить др.-тюрк. *buqa* «бык-производитель». Э. В. Севортян пишет об общетюркском характере этого слова, о его этимологической близости с тюркским *бууи* «самец оленя» и связи с монгольским *buqa* [Севортян 1974: 230–232], на эту же близость указано и в академическом труде [Сравнительно-историческая 2001: 437–438].

Корова в халха-монгольском языке носит название *үнэ* (ср. бур. *үнеэн* id.), которое в старомонгольском письменном языке фиксируется как *üniyen*. Архетип этой словоформы может быть восстановлен в виде **ünigen*, где элемент *-en* можно трактовать как общемонгольский показатель имени, а элемент **ünig-*, возможно, является корневой основой, которую можно попытаться сравнить с др.-тюрк. *inäk, inäk* «корова». Э. В. Севортян демонстрирует широкое распространение этого слова в тюркских языках и доказывает его тюркскую этимологию [1974: 358–361]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» праформа этого тюркского слова дается в виде **in(i)gäk* [Сравнительно-историческая 2001: 436].

Теленка крупного рогатого скота с момента рождения и до года независимо от пола в халха-монгольском языке называют *тугал* (ср. бур. *тугал*, калм. *туһл* id.), в старомонгольском письменном языке соответственно пишется *tuγul*. На монгольской языковой почве это слово не этимологизируется. Если предположить тюркское происхождение этой монгольской лексемы, то увидим, что в ее составе вычленяется корень *tuq* =, который есть не что иное, как

адаптация общетюркского глагола *toy*=// *туу* «рождаться» (ср. др.-тюрк. *toy* «рождаться, возникать, появляться, восходить»), а элемент *-ul* является аффиксом, его ламбдаирующим вариантом общетюркского отглагольного словообразовательного аффикса *-iŕ*, образующего имена существительные в тюркских языках. Ламбдаирующий вариант характерен для тюркских языков болгарской группы. О том, что это предположение верно, может свидетельствовать слово *toyuŕ* «детёныш козули», которое В. В. Радлов зафиксировал в языке барабинских татар [Радлов 1905: 1165].

Теленок по второму году безотносительно к полу в халха-монгольском языке называется *бярүү* (ср. бур. *бурун* «телка-двухлетка», калм. *бүрү* «бычок по второму году»), в старомонгольском письменном языке этому названию соответствует *birayu*, архетипом которого является **birayu*. Эту словоформу следует рассматривать как ротацирующее соответствие древнетюркской лексеме *buzayu* «телёнок». Ротацирующий вариант характерен для болгарской группы тюркских языков, о чем свидетельствует современное чувашское *närau* «теленки», ср. тат. *бызау*, башк. *бызау* «теленки». На широкое распространение этого общетюркского слова в различных фонетических вариантах типа *buzayu*, *bozayı*, *buzay* и т. п. и его тюркскую этимологию, а также его гомогенную связь с монгольской формой *birayu*, называет Э. В. Севортян [1978: 239–242], как затем и труд по лексике тюркских языков [Сравнительно-историческая 2001: 438–439].

Поскольку самым характерным внешним признаком коровы является ее вымя, дающее молоко, то следует рассмотреть и его название в халха-монгольском языке, каковым является *дэлэн* (ср. бур. *дэлэн*, калм. *делң* id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует форма *deley*. Этому монгольскому термину соответствует др.-тюрк. *jelin* «вымя». Об общетюркском характере и, предположительно, тюркской этимологии этого слова пишет Э. В. Севортян [1989: 180–181].

Основным действием, которое совершается в отношении коровы, является ее доение, которое в халха-монгольском языке передается глаголом *саа*= (ср. бур. *һаа*=, калм. *саа*= id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует *saya*= . С этой монгольской словоформой коррелирует др.-тюрк. *say*= «доить». Об общетюрк-

ском характере этого слова и его связи с монг. *saya*= читаем в современном словаре [Этимологический 2003: 1137–1140].

Основной продукцией, получаемой от коровы, ради которой выращивают этот вид скота, является молоко, которое в халха-монгольском языке носит название *суу* (ср. бур. *һүн*, *үһэн*, калм. *үсн* id.), в старомонгольском письменном языке это слово зафиксировано как *sün*. Эта монгольская словоформа может быть сравнена с др.-тюрк. *süt* «молоко», широко распространенной по всем современным тюркским языкам, о чем в связи с монгольским словом *sün* см.: [Сравнительно-историческая 2001: 448–449].

Первым продуктом у коров первоначальной весенней лактации является молокозиво, которое в халха-монгольском языке носит название *уураг* (ср. бур. *уураг*, калм. *уурғ* id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует *uuyray*. Тюркской параллелью к этой монгольской словоформе является др.-тюрк. *oγuz* «первое молоко, молокозиво». Монгольская форма распадается на два элемента: аффиксальный элемент *-ay* и корневой *uyur*, который является ротацирующим аналогом тюркского *oγuz*, что было характерно для древних тюркских языков болгарского типа, из которых, по всей вероятности, и было заимствовано это слово. О широком распространении этого слова в современных тюркских языках в различных фонетических вариантах типа *обуз*, *огуз*, *агыз* и т. п. и его связи с монгольским *уураг* пишет Э. В. Севортян [1974: 405–407].

Древнетюркские параллели имеются также и в монгольских названиях продуктов и кушаний, приготовляемых из молока. Но это предмет отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

К числу крупных рогатых животных, которых разводили монголы, живущие в северо-западных горных районах Монголии, относятся яки и домашние северные олени. Монгольские термины яководства, такие как *саарлаг* и т. п., не имеют параллелей в древнетюркском языке и здесь не будут рассматриваться.

Домашний северный олень, разводимый некоторыми племенами дархатов, в халха-монгольском языке называется *цаа буга* (ср. зап.-бур. *саһаан*, *саһаан мал*, калм. *цаа* id.), в старописьменном монгольском языке этому словосочетанию соответствует *ĉa buγu*. Здесь элемент *ĉa* тот же, что и корневой

элемент в слове *čayan* «белый» и *čaji* = «белеть». Слово же *byu*, само по себе обозначающее «олень, марал, изюбрь», находит свою параллель в др.-тюрк. *byu* «олень». На общность происхождения этого тюрко-монгольского слова указывает Э. В. Севортян [1978: 237–238].

К мелкому рогатому скоту относятся овцы и козы. Рассмотрим имеющиеся здесь тюркские параллели. Общим названием овцы и одновременно овцы-самки в халха-монгольском языке является *хонь* (ср. бур. *хонин*, калм. *хөн* id.), что в старописьменном монгольском языке пишется как *qonin*. Этому монгольскому слову в древнетюркском языке соответствует: *qoj*, *qon*, *qojin*, *qojun* «овца». Кроме того, среди древнетюркских названий овцы встречается также вариант с назализованным *j*, от которого и мог произойти палатализованный *n* в монгольском языке. Общетюркский характер этого слова и его широкое распространение в тюркских языках, а также его гомогенная связь с монгольским *qonin* «овца», рассмотрены в Этимологическом словаре тюркских языков» [2000: 24–26]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 431] тюркская праформа для названия овцы указывается в виде **qoni*.

Баран-производитель в халха-монгольском языке называется *хуц* (ср. бур. *хуса*, калм. *хуц* id.), в старомонгольском письменном языке соответственно пишется *qiča*. Этому монгольскому слову в древнетюркском языке соответствует форма *qoč* «баран-производитель», которая в древнетюркском языке имеет еще варианты *qočnar*, *qočiŋar* и *qočqar*. Праформа этого общетюркского слова восстанавливается в виде **qočnar* // **qoč* [Сравнительно-историческая 2001: 432]. «Этимологический словарь тюркских языков» [2000: 87–89] свидетельствует о широком бытовании этого термина в современных тюркских языках в виде *коч* и *кочкар*, а также о его заимствовании монгольскими языками.

Ягненок в халха-монгольском языке называется *хурга* (ср. бур. *хурган*, калм. *хурһн* id.), которому в старомонгольском письменном языке соответствует *quriγan*. Его праформу в монгольском языке можно восстановить в виде **quriγan*, где элемент *-γan* является аффиксом, а элемент **quri-* представляет собой корневую основу, которой в древнетюркском языке соответствует словоформа *qozī* «ягненок». О широком

распространении в современных тюркских языках словоформы *qozī* ~ *quzi* в значении «ягненок» и ее заимствовании в монгольский язык см.: [Этимологический словарь 2000: 108–109]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 433] тюркская праформа этого слова восстанавливается в виде **qozu*. Монгольская корневая основа **qurī* представляет собой ротирующий вариант этой тюркской основы, характерный для тюркских языков болгарской группы.

Домашняя коза в халха-монгольском языке носит название *ямаа* (ср. бур. *ямаан*, калм. *яман* id.), которое в старомонгольском письменном языке фиксируется в виде *imaγan*. Архетип этого монгольского термина можно восстановить в виде **yīmaγan*. В древнетюркском языке этому монгольскому архетипу соответствует *yīmγa* «самка дикого горного козла», *imγa* «коза».

Самец дикого горного козла в халха-монгольском языке называется *тэх* (ср. бур. *тэхэ* «козёл», калм. *тек* «козёл некастрированный»), в старомонгольском письменном языке соответственно передается как *teke*. В древнетюркском языке этому монгольскому слову соответствует *tekā* «козёл». Архетип этого общетюркского слова в «Сравнительной грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 428] восстанавливается в виде **takā* и сравнивается с монгольским *teke*.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что все халха-монгольские названия крупных и мелких рогатых животных имеют параллели в древнетюркском языке. Ротирующий вариант этих параллелей, имеющих, как правило, общетюркский характер, свидетельствует о том, что термины эти попали в древний монгольский язык от древних тюрков болгарской группы вместе с тюркским типом кочевничества, который древние монголы, еще не распавшиеся на ареалы, адаптировали и освоили еще в древнее время на прамонгольском уровне.

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А – Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д – О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. *Ө – Ф* / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. *Х – Я* / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во ин. лит., 1962. 373 с.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. 2203 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 292 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». М.: Индрик, 2000. 259 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л-М-Н-П-С. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.